

Урок 27

О МОЛИТВЕ

Методические указания к уроку № 27

Цель урока:

Раскрыть понятие о молитве, условия молитвы, плоды молитвы; изложить основы добродетельной жизни

Разобрать и запомнить следующие понятия: богопознание, молитва Господня, Иисусова молитва.

СОКРОВЕННАЯ ЖИЗНЬ И БОГОПОЗНАНИЕ ПО «ДОБРОТОЛЮБИЮ»

Молитва – общее делание человека с Ангелами. Молитва – сокровище добродетелей. Рождается она от живого чувства благоговения к Живому Богу. Возлюбившие чистую молитву восходили по степеням на вершины нравственного совершенствования, так что грешники становились святыми, неразумные приобретали боговидение, неправедные – нравственность и чистоту сердца. Молитва приводит к богопознанию и возрождению души от Духа. Сам Господь сказал: *Аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия* (Ин. 3, 3).

Молитва к Богу привлекает Божественную благодать, ибо сосредотачивает ум на покаянии и помиловании грешника. Собственно молитвой все святые отцы называют в «Добротолюбии» молитву Иисусову, как самую многоплодную из всех молитвословий и деланий; ибо при этом сердце от непрестанного призывания со вниманием на помощь Иисуса Христа очищается внутренним подвигом покаяния. Внимание к помыслам и непрестанная молитва и есть та мысленная деятельность, из которой слагается «умное делание». Молитва и соединенное с ней умное делание внутреннего человека, по учению богомудрых отцов, есть самое действенное средство для стяжания чистоты сердца и ума.

Нечистота же ума – скверные помыслы – и нечистота сердца – разжжение и похотная сласть – приходят тогда, когда нет трезвения и чистой молитвы. Также без молитвы невозможно человеку противостоять диаволу, этому рыкающему льву-супостату (1 Пет. 5, 8).

Кто же исполнением заповедей и непрестанным призыванием Иисуса Христа стяжал сердечное безмолвие, тот приобретает истинное смирение и богопозна-

ние. И в этом есть сущность христианской жизни. Об этом пишут на основании своего опыта около сорока отцов, обозначенных в «Добротолюбии». Они начертали путь духовного совершенствования иночества первых веков христианства, указанного в Святом Евангелии. Этим путем, узким и скорбным, прошли многие богомудрые отцы и подвижники благочестия. Они в подвиге веры и добрых дел засвидетельствовали свою горячую любовь к Богу. Отцы с помощью благодати Божией и молитвы мужественно вели борьбу со страстями, искореняли всякое проявление греха, очищали души, достигали святости и, пламенея постоянной любовью к Богу и ближним, сподоблялись ангелоподобного состояния, будучи жилищем Святого Духа.

Святые отцы хорошо изучили и знали духовную жизнь, поэтому святоотеческие писания составляют многоценную сокровищницу Православной Церкви.

Многие аскетические творения святых отцов, руководствующие к высшему христианскому любомудрию, которым очищается, просвещается и возводится к соединению с Богом христоролюбивая душа посредством деятельной внутренней и созерцательной молитвы, непрестанно совершаемой умом в сердце, вошли в книгу книг – в греческое «Добротолюбие». Трудом молдавского старца Паисия Величковского это греческое «Добротолюбие» было переведено на славянский язык, а заботами митрополита Санкт-Петербургского Гавриила эти душеполезные святоотеческие писания были напечатаны в Московской Синодальной типографии впервые в 1793 г., затем в 1822 г. и в третий раз – в 1832 г., уже при митрополите Филарете Московском.

В конце XIX и начале XX вв. в России было издано «Добротолюбие» в русском переводе свт. Феофаном Затворником. Святитель Феофан указывает, что в сокровенной в Господе нашем Иисусе Христе истинно христианской жизни заключается все существо христианства и что эта жизнь каждому христианину не только возможна, но и обязательна. В эту сокровенную жизнь, приводящую ко внутреннему сердечному единению с Господом нашим Иисусом Христом, падший человек вводится путем молитвы через покаяние, соблюдение заповедей и таинства Христовой Церкви.

Святые отцы любили молитву и с великой похвалой говорили о ней в своих поучениях. Так, иноки Каллист и Игнатий, рассуждая о молитве богомудрых отцов, ублажают ее как великую добродетель. Подобно тому, «как за какой царицей, в город входящей, следует всякое богатство, так за молитвой, в душу входящую, входит и всякая добродетель». «Всякий молящийся с Богом беседует. Сколь же велико, будучи человеком, с Богом беседовать, каждый из нас понимает, но словом выразить эту честь едва ли кто возможет, ибо сия честь превышает и ангельское достоинство».

Как рыба без воды, так и душа без молитвы погибает, ибо «душа, не движущая себя на молитву, мертва есть, окаянна и злосмрадна».

Молитва возводит греховного человека на путь нравственного возрождения. Человек тогда познает благодать и любовь Божию, глубину своего падения, сущность греха и необходимость борьбы с ним.

По благодати Своей Бог сотворил человека, и человек получил это бытие как дар любви Божией. Эта жизнь дана всем нам, ибо всех любит Бог и всем дал благодатные средства для спасения, а будущая блаженная жизнь обретается теми, которые породили в себе ответную любовь к Богу. Любовь к Богу выявляется в жизни по заповедям Божиим, в добровольном подчинении своей человеческой воли воле Божией. Но в жизни нас, христиан, часто обнаруживается, как говорит прп. Симеон Новый Богослов, то, что «на словах только веруем в Бога, а делами отвергаемся Его... С нуждой найдешь одного, который и словом и делом есть христианин». Грех, как великое зловоние, соделал душу нашу мертвой, а нас – мертвецами. Поэтому, по рассуждению свт. Григория Паламы, «Господь мертвыми назвал живших по духу мира сего суетного, когда одному из учеников Своих, просившему пойти погребсти отца своего, не дал на то позволения, но повелел за Собою следовать, оставив мертвым погребать своих мертвецов. Мертвыми назвал Господь тех еще живущих, конечно, как умерших душой».

О глубине грехопадения Адама, умертвившего грехом человеческое естество, указывает и прп. Макарий Великий, говоря, что «Лазарь, которого воскресил Господь, этот Лазарь, исполненный великого зловония, так что никто не мог приблизиться ко гробу его, был образом Адама, принявшего в душу свою великое зловоние и наполнившегося чернотой и тьмою».

Грех лишил человека благодати, умертвил душу и тело и привел к неведению Бога.

Об этом с сокрушением сердца говорит прп. Максим Исповедник, напоминая слова пророческие, сказанные от лица Божия о грешниках: *Аз же насадих ты виноград плодоносен, весь истинен; како превратился еси в горесть, виноград чуждый?* (Иер. 2, 21). Сам Господь, указывая на ослепление и неведение разума народа, ставшего чуждым виноградником, говорит: *Сыны родих и возвысих, ти же отвергошася Мене. Позна вол стяжавшаго и, и осел ясли господина своего; Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша* (Ис. 1, 2–3). Это неведение Бога произошло в человеке оттого, что «завистливый диавол, прельстивший его в начале, не перестал и далее прельщать его, пока не сделал его по неразумию его подобным скотам несмысленным, и он стал жить подобно неразумным животным».

И св. Марк Подвижник, осуждая не только грехи, совершаемые христианами делами, но и умом в сердце, говорит, что «будучи многими почитаемы за святых, мы доселе еще звери по нраву, истинно вид благочестия только имеющие, силы же его пред Богом не стяжавшие, будучи многими почитаемы за девст-

венников, за непорочно чистых, пред Ведущим тайное, оскверняемься внутри нечистотами сосложений с блудными помыслами», имея лишь вид праведности внешнего человека. Об этих людях, которые не хранят чистоты сердечной и не различают тьмы внутренних страстей, св. Филофей Синайский говорит, что «те, которые не знают брани, о которой говорит св. Павел, не окачествовались, может быть, опытно и добром и только делом совершаемые грехи почитают падениями, не беря в счет мысленных».

А прп. Нил Синайский, раскрывая внутреннюю жизнь несовершенного человека, говорит, что «многие уступают страстям больше в помыслах, чем в действиях, невидимо с ними соглашаясь и ими услаждаясь. Внутренне они падшие, хотя видимых падений за ними не водится. Истина противоречит почтенной наружности и заставляет совесть справедливо стыдиться. Такой чем отличается от гроба? Сердце же, исполненное срамных пожеланий, всегда внушает омерзение, будучи зловоннее гниющего тела».

Итак, люди, не имеющие духовного бодрствования, по словам блаженного Диадокха, «носимы, будучи безрассудным парением, они все почти страстные замыслы с вожделением выражают или в словах неподобных, или в делах беззаконных».

Св. Иоанн Кассиан говорит нам, что внутренняя наша храмина может быть построена на камне добродетели или на песке мечтаний, но буря помыслов, ветры учений, как вода непостоянная, испытывают веру, и тогда мы познаем, что *врази человеку домашние его* (Мф. 10, 36), то есть самыми близкими домашними являются человеческие чувства, когда они противоборствуют добру.

Человеческие чувствования с согласия воли и ума порождают зло, хотя «зла нет в естестве, и нет никого злого по естеству: ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то что не есть в естестве, начинает быть в таком виде, как возжелал того тот, кто так делает». «Грехи же суть сами действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле», а «зло собственно не есть субстанция, но лишение добра, подобно тому, как мрак не другое что есть, как отсутствие света», так что «не пища зло, но чревоугодие, не деторождение, а блуд, не деньги, но сребролюбие, не слава, а тщеславие, а когда так, то в сущем нет ничего злого, кроме злоупотребления, которое случается от нерадения ума о возделании естества (душевных сил) в их добром направлении».

Авва Евагрий прямо говорит, что «грех монаха есть согласие помысла на запрещенную страсть греховную».

Хотя «человек создан нетленным, но грехом вошло тление, как порождение плоти, и люди соделались из разумных скотскими и из Божественных зверскими», так что никто не бывает чист от скверны, *аще и един день житие его на земли* (Иов. 14, 5).

Такова греховность человека, так глубоко повреждено злом человеческое естество, что для нравственного возрождения и духовного обновления и совершенствования человека нужна была ему Божественная помощь от Самого Творца. И эта помощь была подана от Самого Господа, сотворившего небо и землю, «сжалился над ним Многомилостивый Бог и, преклонив небеса, сошел на землю и сделался человеком, человека ради, и, Пречистой Кровью Своей искупив его, устроил для него спасительный путь жизни: во Святом Евангелии указал, как благоугождать Богу, Божественным крещением возродил и воссоздал его, в Пречистых Тайнах питание небесное учредил ему, чтоб диавол не имел более места в человеке».

Св. отцы указывают, что Сын Божий соделался Сыном Человеческим, чтоб сыны человеческие соделались сынами Божиими по благодати. Святоотеческие писания открывают глаза видеть в человеке природу, поврежденную грехом, и природу обновленную, Святого Богочеловека в Евангелии. Христианин при свете Евангелия вступает в борьбу с самим собою, с мыслями своими, с сердечными чувствованиями, с ощущениями и пожеланиями тела, с миром, враждебным Евангелию, с миродержителями бестелесными, удерживающими в своей власти и в плену человека. Благодатью Святого Духа греховный человек через отречение от всего суетного, греховного мира возводится до того состояния, в котором он был до падения. Степени отречения от греховного мира, а следовательно, и степени нравственного возрождения, определяются силой веры и любви к Богу.

Поэтому св. Иоанн Кассиан и говорит: «Есть три вида отречения от мира: первое – то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе – то, в котором оставляем прежние нравы, пороки и страсти, как душевные, так и телесные; третье – то, в котором, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, только будущее созерцаем и вожделеваем того, что невидимо».

Богомудрые же отцы от всего суетного и греховного отрекались здесь, на земле, чтобы все вечные блага наследовать в Царствии Небесном. И эти блага богообщения они, живя духовно, ощущали уже в дни земной жизни. В богопознании и спасении своей души заключалась вся цель их покаянных трудов. Отцы рассуждали, что для достижения спасения всем христианам, как меч духовный, необходима благодатная молитва, которая при соблюдении заповедей, знании сущности греха и средств борьбы с ними, познании духовных законов трезвения и умного делания, возводит к высоким степеням совершенствования, молитвенного состояния и благодатного богообщения.

Для возрождения человека до его первозданного состояния нужно избавиться от греха и его последствий, сущность которых проявляется в духовной природе ума.

ПОНЯТИЕ О МОЛИТВЕ

Молитву отцы называют матерью добродетелей, соединяющей с Богом беседой и восхождением ума к Богу, оплотом духовным, без которого нельзя выходить на брань против духов злобы поднебесной. Молитва раскрывает самую сущность христианской жизни, и поэтому она важнее всякого другого делания.

Об этом ясно учит Евангелие. Так, Марфа, заботясь об угощении, показала нам пример лишь деятельного служения ближним в то время, как Мария, ее сестра, избрав благую часть и сидя у ног Иисусовых, подала нам образ более богоугодного делания – созерцательного молитвенного предстояния.

Ублажая эту *благую часть* богообщения, Илия Екдик говорит, что для деятельной жизни служение, труды, посты и бдения лишь «препоясание чресл», ибо этим человек восходит на ступень созерцательной жизни, для которой молчание и молитва суть уже *светильники горящие* (Лк. 12, 35).

В своих главах о молитве блаженный патриарх Каллист с особым молитвенным вдохновением поучает о тайне Царствия Божия, сокрытого внутри нас. Он пишет: «Если хочешь держать настоящее делание молитвы, подражай гусяру, который, преклонив немного главу и ухо обратив к струнам, искусно ударяет по струнам и, извлекая гармонические звуки, услаждается их мелодией. Ясен ли тебе пример сей? Гусли – сердце; струны – чувства; бряцало – память Божия; гусярь – ум... Ум памятью о Боге и Божественных вещах извлекает из богобоязненного сердца чувства святые, от которых сладость некая неизреченная исполняет душу, и ум, чистым бывая, освещается Божественными озарениями. Гусярь ничего не видит и не слышит, кроме своей мелодии, которой услаждается. И ум во время молитвы действительной трезвенно углубляется в сердце и ничему уже внимать не может, кроме Бога. Все внутреннее его изрекает к Богу гласом Давида: *Прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9). Тогда на земле сердца обретается вода живая, духовная, льющая ключом».

Кто стяжал это сокровище – умное трезвение души, подобно живой воде, движимой Духом, тот познал любовь Божественную, а кто на земле не наслаждается плодами Духа, тот и не получит их и в будущей жизни. Так вожденная молитва, которая для новоначальных бывает хлебом, для других – слезы, для иных – вино благоухающее.

При молитве ум беседует с Богом без всякого посредника, погружаясь в невещественный Божественный свет. Блаженный старец Антоний Великий, как вспоминают его ученики, во свете Божества так углублялся в молитву, что простаивал целую ночь в пламенном восхищении ума.

Евангелие же с молитвой учит: *Просите, и дастся вам, ищите, и обрящете, толцйте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7). *Просите*, – сказано нам, чтобы мы призывали Бога на помощь, *ищите* – обязывает нас познать о добродетели, угодной

Богу и употреблять свои усилия для стяжания ее; *толцые* же напоминает о деятельном исполнении заповедей, что обязывает к труду.

Итак, по слову Божию, мы должны искать, трудиться и быть готовыми *на всякое дело благое* (2 Тим. 3, 17), то есть разумно исполнять волю Божию, выраженную в Его заповедях. Молитвы же по своему характеру обращения к Богу, могут быть различны. Так, святой Иоанн Кассиан в поучении апостола Павла: *Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения* (1 Тим. 2, 1) – различает четыре вида молитв.

По рассуждению прп. Иоанна Кассиана, **в молитве** мы молим Бога о своих грехах и испрашиваем прощение их, **в молении** приносим или обещаем что-либо Богу за Его щедроты, **в прошении** же просим о других или о мире всего мира, а **в благодарении** приносим Богу славословие, величание за благодеяния и блага, которые уготовал Бог любящим Его. Состояние же благодатного богособщения раскрывает нам молитва Господня, которую оставил для всех христиан Сам Спаситель.

Человеколюбивый Господь научил нас Своей молитве, дарует нам сыноположение во благодати, равночестное Ангелам, и мы призыванием «Отче наш» исповедуем Бога, Творца неба и земли и Владыку вселенной, Своим Отцом. Эта благодать сыноположения выражает к нам великое снисхождение Божие, обилие благоволения и благости Божией, и мы научаемся братолюбию, ибо смотрим на всех, как на братьев, детей одного Отца. Если бы Бог не даровал такую милость человеку грешному, перстному, рабу греха, дошедшему до крайности во зле, то никто бы сам не дерзнул так в чувстве сыновства обращаться к Отцу Небесному. Даже Моисею не было открыто это новое имя Бога Отца, но только Сыну возведено, как особое благоволение. Христианин – сын, наследник Отчего достояния на Небесах, и поэтому, как и странник на земле, стремится к той области, где обитает его Отец, где Отеческий дом, где Отечество.

Молитва Господня «Отче наш» в кратких прославлениях, прошениях и величаниях заключает в себе всю полноту возвышенного молитвенного совершенствования и раскрывает нам, как избранных Своих Бог ведет к святости, даруя через молитву познание Божественной любви.

Но высокое состояние молитвы, которое заключается в созерцании Единого Бога и в пламенной любви к Нему, когда ум беседует с Владыкой с особенной теплотой, есть благой дар Божий и подается как милость любящим Его.

И эту милость Божию мы должны постоянно просить от Господа нашего Иисуса Христа, чтобы стать соучастниками и сонаследниками Царства, силы и славы Бога и Отца.

Молитва «Господи, помилуй» как сокращение дарованной от апостольских времен молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», которую мы слышим в церкви и сами взываем, и есть прошение милости Царства благо-

дати и славы. Прощение это подобно взыванию бедного и нищего, желающего получить милостыню от богатого, избавление от долга или прощение обиды. А ведь человек – грешник, беден духовно и должник перед Богом нарушением обетов и заповедей и оскорблением Создателя. Мы теперь своим самовластием прилепляемся, как дети, к Отцу Небесному и просим Господа в этой молитве избавить нас от рабства страстей и диавола, в которое мы впали после крещения. Мы просим Бога принять нас, как блудного сына, даровать нам опять Божественную благодать, возвратить свободу от греха, дать силы в искушениях и трудах, просим духа совета, духа страха, духа любви, мира, чистоты, кротости, смирения, чтобы соблюдать все заповеди Божии.

ПОНЯТИЕ ОБ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ

Существует расхожее мнение, что Иисусова молитва есть сугубо монашеское делание. И если мирянин занимается этой молитвой, то обязательно впадет в прелесть. Такое устойчивое суеверие не имеет под собой никаких оснований. Иисусова молитва является высшим молитвенным деланием духа.

«Есть много молитв, – говорит Симеон, архиепископ Солунский, – но превосходнее всех та, которую дал нам Сам Спаситель («Отче наш»), как пишется в Евангелии, яко объемлющая вкратце всю евангельскую истину, – а после нее спасительно призывание Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия (Иисусова молитва), в научении нас которой потрудились многие преподобные отцы наши... Они говорили о ней достойно жившего в них Духа Божия, так как и молитва эта в Духе Святом изрекается, как говорит святой Павел: *Никто же может реци Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), и тот, кто изрекает ее, от Бога есть, как говорит святой Иоанн: *Всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2). И Дух возвещает, что Сыном Божиим *подобает спастися нам* (Деян. 4, 12), так что, по отеческому слову, «лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою». Молитва ко Иисусу Христу – память Божия, или умная молитва, – выше всех деланий, глава добродетелей, любовь Божия, ибо ее мы приносим Христу Богу как начаток добра, как «первомыслие, как жертву, яко Им спасены Его имя носящие, в Него облекшиеся во святом крещении, Им запечатленные во святом миропомазании, Его Тела и Крови причащающиеся и через то членами его делающиеся, и храмом, и живущим Его в себе имеющие».

Благоговейное призывание спасительного имени Иисуса Христа напоминает покаянную молитву мытаря, рождает смирение и очищает сердце. Преподобный Исихий ясно говорит: «Невозможно сердцу очиститься от скверны пагубных помыслов без молитвы именем Иисусовым», ибо святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа есть основание и кровля для хранения ума.

Далее он продолжает: «Блажен воистину, кто так прилепился мыслью к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим или пламя к свечке. Солнце, походя над землею, производит день, а святое и достопоклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений». Молитва Иисусова с благоговением, с покаянным чувством, со вниманием, простотой и любовью совершаемая постоянно, сближает и соединяет нас с Господом, Спасителем нашим. Поэтому духовные отцы учат нас «разумно безмолвствовать, научают преимущественно перед всяким другим деланием и попечением Господу молиться и у Него просить милости с несомненным упованием, непрестанным имея делом и занятием призывание всесвятого и сладчайшего имени Его, всегда нося Его в уме, в сердце, устах и всячески понуждая себя в Нем и с Ним дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить – и все вообще, что ни делаем, так и делать. Ибо как при отсутствии Его, стекается к нам все зловерное, не оставляя места ничему душеполезному; так при Его присутствии все противное отгоняется, ни в чем добром не бывает недостатка и все является возможным для исполнения, как и Сам Господь наш возвещает: *Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод много, яко без Мене не можете творити ничесоже.*

С любовью непрестанное памятование о Боге освещает наш ум, все наши мысли и чувства, не позволяет водвориться в душе нашей ничему нечистому. А это и есть воскрешение нашей души прежде всеобщего воскресения.

Заповедь о бодрствовании, то есть непрестанной молитве, дана Спасителем всем верующим. Источником же духовного преуспевания служит жителство по евангельским заповедям. Поэтому, как учат отцы, нужно разумно читать Евангелие и познавать в нем Божественную волю Господа и Спаса нашего, обуздывать все греховные движения падшего ветхого человека, всеми своими помышлениями прилепляться к Богу. Тогда потечет в груди молитва Иисусова, независимо от того, пребывает ли кто в уединении или посреди молвы общежития, ибо место вселения молитвы – ум и сердце. Итак, спасение возможно на всяком месте, каждому христианину, призывающему Иисуса на помощь в покаянии и благоговении. В деле молитвенного совершенствования умного делания нужно проходить, как говорит прп. Симеон Новый Богослов, ссылаясь на учение прп. Иоанна Лествичника, четыре степени, подобно лестнице.

Во-первых, нужно подвизаться умом и укрощать свои страсти; во-вторых, упражняться в псалмопении, то есть молиться устами, потому что, когда укрощаются страсти, тогда молитва становится благоугодной; в-третьих, подходящим же к последним степеням преуспевания нужно больше молиться умом; в-четвертых, восходить в созерцание как совершенным в делании. Когда при таком умном восхождении усилиями внимания и молитвы очищается сердце, то

злые демоны восстают в ярости на брань и посредством страстей производят часто мятеж, шум, нестроения и бури в сердце, но именем Иисуса Христа все это вражеское тает, как воск в огне. Демоны, изгнанные благодатью из сердца, возмущают ум уже через внешние чувства (окна и двери души), но не могут они этим поражать глубину ума, а только возмущают поверхность его. Но ум и здесь хранит внимание. Бог от нас только этого и требует, то есть чтобы сердце наше со своими помыслами и пожеланиями – *сие море великое и пространное, тамо гади, ихже несть числа* (Пс. 103, 25) – очищалось вниманием, ибо *если корень* (сердце наше) *свят, то* явно будут *святы и ветви*, и плоды (Рим. 11, 16). Тогда изведет Господь душу трезвенника из рабства египетского, из среды моря страстей, избавит от огня вавилонских скорбей и власти мысленного и введет, как жених невесту свою, в умную страну обетования духовного делания. Для новоначальных это делание – отгонять помыслы и заключать ум в слова молитвы – очень тяжело вначале, но сам труд молитвенный привлекает благодать, и она доведет его уже до высших степеней молитвы.

Отцы научают, что к умозрительной молитве нужно приступать со страхом и трепетом, с сокрушенным сердцем и смирением. Нужно с верою и любовью призывать спасительное имя Иисуса Христа так часто, чтобы память Иисусова срастворилась с дыханием. С молитвой Иисусовой и засыпай, и спи в бодрствовании сердца.

Если же находят лукавые помыслы, нужно ввергать в среду их призыванием Господа нашего Иисуса Христа и Его именем, как мечом духовным, бичевать супостатов, ибо против них, как учит прп. Иоанн Лествичник, нет более сильного оружия ни на земле, ни на небе. Врагов бестелесных можно победить «только непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего». Молитва Иисусова и смирение привлекают Божественную благодать, которая очищает сердце и дарует боговедение.

Преподобный Серафим в послеобеденные часы советует читать Иисусову молитву так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешнаго», или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, молясь: «Пресвятая Богородице, спаси нас», или говорить поздравление ангельское: «Богородице Дево, радуйся...»

Условия молитвы

Пророк Давид, говоря о благодатном состоянии молитвы, когда молящийся ничего другого, кроме Бога, не видит и не слышит, восклицает: *Согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь* (Пс. 38, 4).

Но к такой молитве приходит едва ли из тысячи один, и то после великих трудов молитвенных, который новоначальный вначале прилагает на обуздание своих страстей и своего блуждающего ума.

Не так трудно пресечь путь реке, чтобы она не неслась вниз, как остановить блуждаемость ума по видимым вещам мира, сосредоточить его в молитве и, подобно Моисею, при приближении к земной горящей купине изуть сапоги от ног (Исх. 3, 5), то есть отрешиться от всякого страстного помышления, чтобы видеть Бога чистотою сердца и быть Ему собеседником. Пребывающий же во страстях и молящийся телесно не имеет еще духовного разума и подобен слепцу, который взывал: *Сыне Давидов, помилуй мя* (Мк. 10, 48). Поэтому должна испрашиваться милость Божия, чтобы избавиться от страстей и всякого зла, познать Бога и Его волю еще при земной жизни, ибо «ковчег Ноев приготовлен был во время мира и древа его обделаны за сто лет, а во время гнева несправедные погибли, праведнику же стал он покровом». А для этого нужна жизнь по заповеди и любви. Поэтому никогда в своей молитве нельзя молиться против кого-либо, чтобы не разрушить то, что созидал трудами. Участь должника (тьмою талантов) научает нас многому. *Остави ту дар твой*, – говорит Господь, – *пред олтарем и шед прежде смирился с братом твоим* (Мф. 5, 24), – и тогда, придя станешь молиться без смущения, ибо «любовь лучше молитвы».

Укрощению страстей и познанию премудрости Божией способствует чтение Писаний Священных и отеческих. Если при псалмопении (чтении неспешном) заметится пленение ума, то, как говорит прп. Никита Стифат, «остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его и, снова начав, читай порядку тот же псалом и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобою пленение. Если будешь так делать, то демоны, не снося твоего терпения и постоянства, и силы рвения, уйдут от тебя, покрытые стыдом». Если же при псалмопении появится худой помысл, нужно его, как поучает прп. Иоанн Лествичник, прогонять усилием внимания от слов молитвы, а при упорстве помысла призывать на помощь Бога.

Отцы, поучая нас, говорят: «С Богом беседуй много, а с людьми мало». Всякую вещь, малую или великую, нужно в молитве просить у Создателя своего. Молиться нужно перед каждым делом и, идя дорогой, перечитывать со вниманием псалмы и молиться Богу умом. Молиться нужно и во время работы своей и не оставлять молитвы под предлогом немощи, пока есть дыхание жизни, зная, что когда однажды брат, у которого не доставало этой ревности, придя ко святому Антонию Великому, просил его помолиться о нем, старец ответил ему: «Ни я, ни Бог не сжалятся над тобою, если ты не будешь заботиться сам о себе и молиться Богу». Молитва отделяет человека от бессловесных и роднит с Ангелами, если она совершается в мире и любви.

Поэтому сохраняющий себя от подозрения и ненависти не встретит преткновения во время молитвы. Вообще же отцы учат, что можно без гнева устроить с ближним всякое дело, поступая по воле Божией. Поэтому нужно просить в молитве, чтобы во всяком деле совершилась воля Божия, ибо Бог желает доброго

и полезного душе, а что мы просим по своему желанию оказывается не полезным нам и ведет к великой скорби. Благий Бог есть и благих даров Податель.

Далее отцы поучают никогда не скорбеть, если не получишь просимого в молитве, ибо и то есть благо для души быть в беседе и духовном общении с Богом, особенно когда молитва нерассеяна, что есть наивысшее умное делание, через которое приобретаем и другие добродетели и благодать духовного, освещающего совершенства.

Привлекается благодать и милость сокрушенным исповеданием своих грехов в слезной молитве, ибо это радует Владыку. Еще отцы поучают молиться не только за себя, но и за всех людей, за очищение всякого человека, обижающего нас. Демон завидует тому, кто совершает внимательную молитву в чувстве умиления, благоговения и покаяния, и поэтому возбуждает на грех через страсти и помыслы. Поэтому каждый, насаждая *рай сладости*, обязан *делати его и хранити* (Быт. 2, 15), ибо вся брань идет из-за молитвы. Любящий же Бога желает всегда беседовать с Ним, чтить Отца *духом и истиною* (Ин. 4, 24) и не допускает мечтаний ума. А за это, по учению преподобного Нила, Святой Дух приходит к нам даже и тогда, когда мы еще нечисты и только умом еще искренне молимся, влагает ведение, которым уже ум укрощает невоздержанность тела. Кто же сам прежде очищения от страстей и достижения сердечной чистоты покушается взойти на самый верх чистой молитвы, тот злым забвением будет отгнан, как некогда понудившихся взйти *на верх горы* отогнал и поразил Аморрей, обитавший на горе (Чис. 14, 44; Втор. 1, 44). Иногда бывает, что лишь станешь на молитву и особенно не утруждаешь себя, а душа пребывает в чистой, без помыслов, молитве, и молишься хорошо. Ум бывает тогда в великой отраде и молится без уныния, малодушия и смятения мыслей. Это бывает от благодати, ибо тогда Ангел Божий приблизился к нам и удалил от нас всех противоборствующих демонов. Ангел подает, как благовонный фимиам, благодать и умение истинно молиться. Нужно поэтому просить у Бога истинной молитвы, ибо без помощи Божией, своим трудом мы, хотя и усиливаемся творить чистую молитву, так что и ум изнемогает в брани, не можем привести душу к благочувствию, богомыслию и покою.

Впрочем, если кто, желая истинной молитвы, «больше... поищет, – говорит прп. Нил Синайский, – найдет, и, если не поленится толкать, отверзется ему». Когда «душа всецело да посвятит себя молитве и любви Господней, не развлекаясь и не кружась в помыслах, Господь Сам просветит ее, научая истинному прошению, подавая молитву чистую, духовную, достойную Бога, и поклонение духом и истиною». Молитва нужна нам, чтобы приобрести любовь Божию, она является ключом к Царствию Небесному. Постоянная же и чистая молитва подается тому, кто победил телесные страсти, подвизался против лукавых бесов и принял дар чистоты сердца и ума.

Ум по своей природе не может оставаться праздным, и в нашей власти состоит или совершать восхождение, то есть рождать достигающие до Бога любомудрые помышления, или допускать снисхождения до предметов земных и плотских помыслами беспорядочного блуждения. «Если бы, – поучает прп. Иоанн Кассиан, – помыслы не в нашей состояли власти, то Господь не упрекнул бы фарисеев: *Вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих?* (Мф. 9, 4) – и через пророков не повелевал бы: *Удалите злые деяния ваши от очей Моих* (Ис. 1, 15). *Доколе будут гнездиться в тебе злостивые мысли твои?* (Иер. 4, 14).

Многие суетные помыслы входят и против нашей воли, но принимать или отвергать их зависит от нашего самовластия. Иногда бесовские наваждения, подобно диким зверям, наносят сильные бичевания любящим молитву, так что душа, еще имущая молитву, подобна жене, мучающейся родами. «Когда заметишь, что ум твой с услаждением занимается предметами вещественными и любезно пребывает в помышлениях о них, то знай, – поучает святой Максим Исповедник, – что ты любишь их более, нежели Бога». «Так, – говорит святой Максим, – не любит Бога тот, чей ум привязан к чему-либо земному». Наоборот же, ум, прилепленный к Богу, живя жизнью молитвы, сокровенной для других, но явной для Бога, совершает духовное делание невещественное, которое может заменить и телесные труды, так что, по словам св. Макария Великого, если тело наше, хотя и не имеет делания труднического, но ум наш будет всегда с любовью пребывать с Богом, искать Его и стремиться к Нему, то и за это внимание к правде Божией избавимся от гибели во тьме страстей и сподобимся Царства. Итак, если чист будет внутренний человек, то очистится и внешний, поэтому прп. Нил Синайский и поучает, что нужно молиться Богу, «во-первых, о том, чтобы очиститься от страстей, во-вторых, о том, чтобы избавиться от неведения и забвения, в-третьих, о том, чтоб избавлену быть от всякого искушения и оставления», прося «только правды и Царствия, то есть добродетели и ведения», к котором уже приложится прочее (Мф. 6, 33).

Чтобы быть умом трезвенным и целомудренным везде и всегда, наедине ли пребывая или идя по рынку, нужно, чтобы ум внутреннего человека, умудренный евангельским учением Господа нашего Иисуса Христа, господствовал над низшими сластями плоти и был с Богом, совершая этот подвиг и в сердце, и в делах, и во всей жизни.

В таком устройении своих духовных сил «приступающие ко Господу должны совершать молитвы, как учит святой Макарий Великий, в безмолвии, мире и великом покое и внимать к Господу не с воплями, непристойными и смешанными, но с томлением сердца и трезвенными помыслами. Рабу Божию надлежит пребывать не в неустройстве, но во всякой кротости и мудрости, как сказал пророк: *На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущего словес Моих?* (Ис. 66, 2). Таковая молитва в мире, безмолвии и покое привлека-

ет благодать Божию и Господа, как сказано: *Глас хлада тонка, тамо Господь* (3 Цар. 19, 12)». И это есть знак услышания молитвы. При этом отсутствует смущение сомнения, отчаяние во время самой молитвы и при излиянии теплых чувств ко Господу ощущается надежда на то, что мы получим просимое. Господь смотрит на добрую веру. Об этом так говорит Писание: *Вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примете* (Мф. 21, 22).

Еще бывает услышана молитва, когда двое соглашаются молиться, о чем и возвещается в Евангелии: *Глаголю вам, яко аще два от вас совещаема на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех* (Мф. 18, 19).

Слышит Господь и молитву того, кто молится хотя бы с малой верой, равной горчичному зерну, как и Сам о том говорит: *Аще имате веру, яко зерно горушно, речете горе сей: преиди отсюда тамо, и преидет, и ничтоже невозможно будет вам* (Мф. 17, 20). Также слышит Господь и неотступную молитву, пример которой возвещается во благовестии Христовом: *Кто от вас имать друга, и идет к нему в полунощи, и речет ему: друже, даждь ми взаим три хлебы, понеже друг прииде с пути ко мне, и не имам чесо предложити ему. И тот извнурь отвецав речет: не твори ми труды, уже двери затворены суть, и дети моя со мною на ложи суть, и не могу востав дати тебе. Глаголю же вам: аще и не даст ему востав, зане друг ему есть, но за безочство его, востав даст ему, елика требует* (Лк. 11, 5–8).

Бывает услышана молитва, если она соединяется с милостынею, как и говорит Дух: *Затвори милостыню во клетех твоих, и та измет тя от всякаго озлобления* (Сир. 29, 15).

И другие дела милосердия приклоняют Господа к слышанию молитвы. Об этих богоугодных делах Божественный Дух через пророка Исаию так возвещает: *Разрешай всяк союз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний, отпусти сокрушенныя в свободу и всякое писание неправедное раздери. Раздробляй алчущим хлеб твой и нищия безкровныя введи в дом твой. Аще видиши нага, одей, и от свойственных племени твоего не презри. Тогда разверзется рано свет твой, и изцеления твоя скоро возсияют, и предыдет пред тобою правда твоя, и слава Божия обымет тя. Тогда воззовеши, и Бог услышит тя* (Ис. 58, 6–9).

О трезвении в молитве

Трезвение, как учат отцы, есть хранение ума и чистоты сердца, тайное поучение, мысленное безмолвие, внимание, мысленное любомудрие, лестница к созерцанию, проходима в смирении, искреннем покаянии, с непрестанной молитвой Иисусовой, при молчании чувственных и мысленных уст. В чем же сущность трезвения? Как учат отцы, удовольствие и печаль следуют за испол-

нением или неисполнением пожеланий. Сами пожелания могут быть добрыми или злыми. Если они не вызывают печаль *по Бозе* (2 Кор. 7, 10), то не порождают и покаяние, и если вызывают радость, не веселящуюся с доброй совестью *о Господе* (Флп. 4, 4), то эта радость есть демонское душевное обольщение. Демоны на нашем долгом и трудном пути употребляют в оружие против нас наши страсти и чувства. Поэтому человек, недопускающий в себя впечатлений и помыслов, не дает даже места и пожеланиям, удовольствиям или печали. Это же подобно тому, кто сокрушил голову змеи, ущемленной им дверью, так что вне жилища осталось влекущееся за головой змеиное тело, которое вползло бы свободно в дверь, если бы нашелся свободным вход. Таков, по словам прп. Нила Синайского, закон трезвения.

Мысленная брань сатаны против заповедей Христовых более тяжела, чем чувственная, и нужен великий подвиг, чтобы безмолвствовать умом. Трезвение вводит нас на путь в Царство через заключенные двери наших чувств – при молчании уст, воздержании в пище, питии, сне, памяти о смерти, как дочери Адамовой, порожденной грехом. Если демоны в брани возьмут перевес над нами через согласие сердца на внушаемое зло, то и убивают душу посредством греха, ибо тогда попираются спасительные заповеди и отвергается благая воля Духа Животворящего. Поэтому апостол Петр, напоминая о демонской брани, пишет: *Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Образ трезвения и победы в брани показал нам Сам Спаситель. Об этом преподобный Исихий рассуждает так: «Владыка наш и Бог... восшедши по крещении в пустыню, с постом вступил там в мысленную брань с диаволом, приступившим к Нему, как к простому человеку; и образ победы над ним, – то есть смирением, постом, молитвою и трезвением, которые держал Он, не имея в них нужды, как Бог и Бог богов, – научил и нас, неключимых рабов, как держать достолично брань против духов злобы».

Так хранение ума, тайное поучение, трезвение приносит плод первой и богоугодной жизни, приводит к богозрению. Преподобный Исихий говорит, что сначала эта добродетель уподобляется лестнице восхождения, потом раскрытой книге, которую можно читать, «наконец, более и более преуспевая, найдешь ее градом, Иерусалимом Небесным, и Христа Израилева, Царя сил, действительно узришь умом с Единосущным Его Отцем и спокланяемым Духом Святым». Тогда трезвенный ум видит Бога в видимом мире и познает, что «как телу нельзя жить без души, так все видимое и существующее не может стоять без Бога».

Есть несколько способов трезвения, очищающих ум от страстных помыслов. Можно блюсти трезвение тем, что мы будем или наблюдать за мечтаниями сатаны и его прилогами, или держать свой ум всегда молчащим и от всякого помысла безмолвствующим и молиться в сердце, или созерцать блага небесные,

или совершать непрестанное смиренное призывание Господа Иисуса Христа, или иметь непрестанную память о смерти. Трезвение замечает ясно, как проходят демоны со своими образами и мечтаниями, и противоречит им, а призываемый Иисус Христос прогоняет демонов с помышлениями их. От непрерывности трезвения порождается видение брани и устанавливается непрестанная молитва Иисусова, сладостная, без мечтания, тишина ума от благодати богообщения.

О прелести и благодати в молитве

Чтобы быть с Богом, нужно душой, сердцем и помышлением стремиться к Нему. Ваше внимание должно быть неразлучно с молитвой, как тело с душой. Внимание, как страх, предшествует молитве, противоречит злым помыслам, молитва же их истребляет. На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Преподобный Симеон Новый Богослов, хорошо знающий духовную брань, подробно в своих писаниях разбирает три образа внимания и прелести. Отличительные свойства первого образа внимания и молитвы таковы, что при них молящийся впадает в прельщение. Это бывает у тех, кто стоя на молитве и воздевая на небо руки, очами и умом воображает о благах небесных, о спускающихся иконах, лице Спасителя, святых, мечтает о чинах Ангелов, их обителях и рассуждает от Божественных Писаний. И все это делает он во время молитвы, понуждая душу к любви Божией, источая иногда и слезы. Ему кажется, что он получает утешение от благодати Божией, начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая, и даже просит Бога, чтобы постоянно пребывать в этом состоянии. Если такой проводит жизнь в безмолвии, то впадает в исступление ума. Если же он и не дойдет до такой крайности, то ему все равно невозможно стяжать добродетели и бесстрастие. Некоторые из таких впадают в беснование и в безумии ходят в прельщении, видя свет телесными очами, обоняя благовония, слыша гласы и видя «откровения». Другие поклонялись диаволу, когда он принимал вид преобразившегося Ангела света. Они оставались неисправляемыми, ибо не хотели даже и слышать никакого совета ни от кого. Иные, по наущению человекоубийцы – диавола, сами себя лишали жизни: бросались в пропасть или удавливались. Такой вред и пагубу приносит первый образ внимания. Если кто, живя в общежитии, и не пострадает так, то все же жизнь проведет без преуспевания.

Так же вреден и второй образ внимания, отличительной чертой которого является то, что умное делание при этом совершается в голове, в то время как злые помышления, исходящие от сердца, порождают в помыслах ума брани, и молящийся не видит их и, значит, пребывая во тьме, не внимает своему сердцу. При этом мысли с мыслями борются так, что ум молящегося подобен ведущему брань ночью, когда принимает удары, слышит шум, крики, но не видит врагов своих, не знает, откуда пришли и как бьют его. Человек не ощущает мира в се-

бе, потому что он иногда сводит ум внутрь себя, иногда хранит свои чувства, отвлекая их от вещественного, иногда собирает свои помыслы и исследует их, иногда вникает в слова читаемой молитвы, иногда помыслами, наоборот, возносится к суетному и худому. Человек несет труды, но не находит времени заняться стяжанием добродетелей, ибо впадает незаметно в гордость и тщеславие. В гордости он себя превозносит, хотя сам похож на слепца, а других уничижает.

Здесь, в этих образах внимания, зарождается явная прелесть, которая по своим проявлениям, по множеству козней диавола трудно распознаваема и почти непостижима. Прелесть помрачает душу мраком неведения и отчуждает от Бога. Рождаются она от тщеславия, неверия, лукавства, разленения и находит либо от гордости, либо от зависти бесов, либо от наказательного пощущения, как предание сатане за грех. Бывает, что ей и неповинные предаются для спасения.

Второй образ прелести в виде воздействий начало получает в греховном сладострастии, рождающемся от естественного похотения. От нечистой страсти распяется естество, нечистые мечтания омрачают ум сочетанием с воображаемыми образами. Эта страсть приводит ум в иступление, опьяняет его палительным действием нечистых мечтаний и делает его помешанным. В таком состоянии своего ума прельщенный начинает ложно пророчествовать, дает предсказания, уверяет, что видит некоторых святых, с которыми беседует, передает другим будто бы им слышанные слова. Далее эта неистовая страсть, совершенно омрачая разум, делает человека по нраву и по виду бесноватым. Миряне же, водимые тем же духом прелести, называют таких бесноватых блаженными, юродивыми, пророками, предсказывающими настоящее и будущее. Они даже часто бывают при храмах. Бес же неистовства, еще более воздействуя на помраченный ум, разжигает его сладострастным огнем, мечтательно представляет прельщенному некоторых святых, давая видеть их лица и слышать слова. Иногда бесы сами являются и смущают их страхованиями, окончательно подчиняя игу велиара, и, как получившие власть над ними, принуждают таковых на грехи делом и затем, как своих, сводят в геенну.

Итак, начало прельщения ума заложено в тщеславии, которое порождает мечтательность и сладострастие, если ум описывает Божество в каком-либо зраке и образе. Поэтому отцы поучают не допускать даже желаний видеть во время молитвы какой-либо лик или образ, или Ангела, или Самого Христа Спасителя, чтобы не сойти с ума, приняв волка за пастыря, и не поклониться демонам. Еще прп. Нил Синайский в научение наше приводит такое рассуждение: «Надлежит тебе знать и следующее коварство демонов. Иногда они разделяют тебя на группы. Одни приходят с соблазном. И когда ты взыщешь помощи, входят другие в ангельском виде и прогоняют первых, чтобы прельстился ты мнением, что они настоящие Ангелы, и впал в самомнение, что удостоен того».

Если будут слышны шум, топот, вопли, ругательства, появятся видения зверей, людей, мечей, то не нужно страшиться никаких приведений, а смело взирать на врагов. Просить нужно у Бога о том, что если это попущено от Него для вразумления и испытания, то Он Сам тебя просветил бы и отогнал бы прелестников и псов лукавых».

Демоны в сонных мечтаниях воспроизводят образы во владычественном нашем уме, действуя на память, которая удерживает воспринятое чувствами в бодрственном состоянии.

Итак, в сновидениях демоны, приводя в движение память, ибо органы чувств держатся сном в бездействии, вносят образ в ум посредством, конечно, страстей. Какие образы и мечтания душа с телом страстно или бесстрастно воспринимает, такие же воображения (страстно или бесстрастно) и память воспроизводит. Так же бывает и во время сна. Демоны, видя в нас страсти и похоти, во сне показывают нам встречи, пиры, лики женщин, то есть то, чем душа увлекается наяву. Когда же демоны обладают раздражительной частью, то в сонных видениях заставляют ходить нас по обрывистым местам, наводят на нас вооруженных людей, ядовитых змей и диких зверей, повергая нас в ужас и бегство. После гневной страсти обыкновенно бывают страстные сны.

Блаженный Диадокх поучает, что хорошо «не верить никакому сонному мечтанию». Случающиеся ночные мечтания и осквернения бывают либо от превозношения, либо от пресыщения, либо от зависти диавола. Но, если мы не превозносимся и не пресыщаемся, то диавол не может часто омрачать наш сон. И св. Максим Исповедник поучает, что «когда душа начнет чувствовать себя здоровою, тогда начнет и сновидения иметь чистые и безмятежные». Но хотя бы ты со страхом и благоговением предстоял пред Богом, всегда, поучает прп. Нил, «берегись демона блуда».

Нужен большой духовный опыт, чтобы различать многие виды козней лукавого. Отцы, вразумляя новоначальных, поучают их не принимать никакого образа, или огня вне или внутри себя, ибо мечтания есть как бы мост для бесов. Враг вместо сердечной теплоты от истинной молитвы, попадающей страсти, наводит нечистое разжжение; вместо благоговейного веселия и радования о Господе побуждает радость бессловесную и страсть нечистую.

Далее иноки Каллист и Игнатий поучают, что мечтания – этот мост для бесов – можно отгонять своими благолепными мечтаниями, смешивая одно с другим. Затем, устроив брань против того мечтания, поразить и восторжествовать над ним. Преуспевшим в подвиге и благолепных мечтаний не следует допускать в уме, а смиренно творить чистую молитву, хранить плоды ее, ибо вся невидимая брань ведется за смирение из-за духовной молитвы. Поэтому не следует допускать не только гнев и похоть, но и страстные помышления. Опытная в духовной брани душа чувствует, когда приходят к ней злые помыслы от демонов и когда

посещает ее благодать Божия так же, как человек ощущает, когда ему холодно и когда жарко. Дух прелести не может водворить в душе ни смирения, ни любви, ибо он как тать и разбойник разрушает то, чего не создал. Сатана порождает чувство сладострастного тщеславия, холодной гордости, даже помыслы о святости или, наоборот, наводит уныние и мрачную тоску с отчаянием о невозможности спасения. Человек, когда принимает плохой помысл, или осуждает кого, или наблюдает за ближним, как он живет, или превозносится над другим, то омрачается вражьей силой. Тогда попускается бичевание от помыслов. Если душа опять не смирится, то попускается блудная страсть. Когда и тут не смиряется, впадает в малый грех. Далее может быть и большой грех, и так до тех пор, пока душа не смирится и не начнет уже уповать на Бога.

Если в душе нет любви ко врагам, то не водворится в ней смирение Христово. Тогда душа не имеет мира и покоя и, как море, волнуется разными помыслами и не может созерцать Бога. Но если душа смирится, то приходит и помощь от Господа. Как Господь, когда Он спал на корабле во время бури, будучи разбужен Своими учениками, сразу запретил буре и ветру и водворил великую тишину на море, так и в каждой душе, если она будет исповедовать свой грех (в уме своем или духовнику) и в смирении призовет имя Иисуса Христа, прося помощи от Него, водворит Он мир и тишину. Смиранных Господь сохраняет от прелести и дарует им чистую молитву, вводящую в невещественное ведение. Поэтому прп. Нил Синайский говорит: «Если не получил еще ты дара молитвы или псалмопения, то проси неотступно и получишь». Господь же хочет испытать самовластие (куда оно клонит) прежде дарования благодати. Но не малый труд предстоит, чтобы постигнуть истину. Поэтому в деле молитвенного совершенствования нужно вопрошать опытных и исследовать помыслы и дела, проводя жизнь в смирении, терпении и послушании. Святой Григорий Синаит советует новонаначальному внимать только сердечному действию, как непрелестному, а все другие не принимать до времени очищения от страстей. Даже кто из опасения прельщения не принимает действия благодати без вопрошения опытных и должного испытания, то Бог не негодует, а даже похваляет того. Начало же действия благодати в молитве в одних обнаруживается тем, что приходит к ним дух страха, которым укрощаются страсти и сокрушаются жестокие сердца, у других – появлением потрясения или обрадования, иначе называемого у отцов взыгранием, у преуспевших же – ощущением веяния тонкого и мирного света, когда Христос Спаситель вселится в сердце и таинственно воссияет в душе.

Свет, приходящий от благодати Святого Духа, водворяет в душе благодать, радость, тишину, дарует освящение и возрождает душу кроткой и человеколюбивой. Ум от действия благодати бывает смиренным и внимательным. Благодать приводит человеку на память смерть, содеянные им грехи, будущий суд и

вечные муки. Душе подается умиление и слезы. Тогда душа утешается страданиями Господа нашего Иисуса Христа, прославляет Его человеколюбие, исполняется возвышенными созерцаниями. Ум созерцает всемогущую силу Божию, сотворившую из ничего все, хранение, управление и промысливание Божие о мире, непостижимую Пресвятую Троицу. Христолюбивая душа просвещается светом Божественного ведения, сердце становится тихим и кротким и пребывает в радости, мире, долготерпении, благодати, милосердии, любви, смирении (Гал. 5, 22). Такие плоды Святого Духа порождает благодатная и чистая молитва, поэтому-то, кто истинно молится, тот богослов, ибо от самого Владыки получает созерцание и ведение.

ПЛОДЫ МОЛИТВЫ

Прп. Нил Синайский, рассуждая о плодах молитвы, говорит, что как хлеб укрепляет тело, питая его, а добродетель обновляет душу, так духовная молитва просвещает ум и благоукрашает внутреннего человека, благочестие которого тогда уже отображается и во внешнем человеке, его речах, взглядах, делах.

Плоды молитвы и духовное чувство рождаются только после очищения от страстей, а кто, пребывая во грехе, дерзнет простираться к познанию Божественных таин и к невещественной молитве, тот должен будет принять строгое вразумление. Так же, кто превозносится естественными дарованиями и способностями, полученными без труда, тот никогда не получит выше естественных благ, потому что *неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть* (Лк. 16, 10), по своему тщеславию.

Блаженный авва Зосима поучает смиренно просить у Господа благословения нашего труда молитвы, которая, будучи вначале с самопринуждением, как дело нашего произволения, переходит по действию благодати в молитву чистую и сладостную.

И нерассеянность ума, как плод молитвы, дается не скоро, а когда смиримся. Божий дар определяется не временем и не количеством молитвы, а только сердечным смирением и Христовой благодатью, как Бог благоволит. Такие дары благодати, как благоговейный страх Божий и сокрушение, водружение в сердце тихого, теплого чувства Божественной любви, подаются тогда, когда уже не станут возмущать человека никакие страсти и не будет боязни смерти, а наоборот, ощущается желание разрешиться от земных уз и быть со Христом. Это уже служит залогом спасения, ибо внутри тогда явно обретается Царство Небесное.

Святой Иоанн Лествичник учит, что благодатные дарования по непостижимости Промысла Божия некоторые получили прежде своих трудов, другие в трудах, а иные уже при смерти.

И сыноположение – дар, и «Царство Небесное не есть награда за дело, а благодостный дар Владыки, уготованный верным рабам».

Верные, украшенные плодами добродетелей, называются святыми, как получившие обожившееся естество (в Писании – земля святая).

Верные за благоговейное размышление и прилежное памятование о Боге сподоблялись любви и радости, за памятование о грехах и муках и внимательную молитву – умиления, за воздержание и смирение – бесстрастия. Такая вера порождает уже боговедение. От этих добродетелей душа преуспевает в рассудительности и любви. Любовь же через чистую молитву возводит в меру возраста Христова. Тот же, кто с любовью терпит обиды и унижения и молится за обижающих и оскорбляющих его, в короткое время достигает великого преуспения, как говорит прп. Симеон Новый Богослов.

Особенного преуспения в добродетелях и смиренномудрии достигают христиане от тайного поучения. Тайное поучение, то есть молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», согревает сердце теплотой Божества, как и воспевают пророк: *Согрейся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь* (Пс. 38, 4) от Христа Бога, ибо призываемый *Бог наш огонь поядая есть* (Евр. 12, 29). Такое тайное поучение, наша беседа с Богом, как говорит авва Исаия, просвещает всего внутреннего человека, даруя ему духовное ведение, которое уже ощущает сокровенное в созерцании. Созерцание, по рассуждению святого Исаака Сирина, есть уже собирание рукоятей после молитвенного сеяния, или, лучше назвать, жатва, при которой жнуций приходит в изумление неизглаголаным видением таин домостроительства Божия.

Восемь главных предметов созерцания таин Божиих указывает святой Григорий Синаит для всякого верного, вошедшего в меру духовного сыноположения. Он научается истинному богословствованию от Самого Бога, о чем свт. Григорий пишет: «Утверждаем, что есть восемь главных предметов созерцания: первый – Бог, невидимый и безвидный, безначальный и несозданный, причина всего сущего, Троичное единое и пресущественное Божество; второй – чин и стояние умных сил; третий – составление видимых вещей; четвертый – домостроительное снисшествие Слова; пятый – всеобщее воскресение; шестой – страшное второе Христово пришествие; седьмой – вечная мука; восьмой – Царствие Небесное».

Стяжавший полную чистоту ума получает в созерцании познание этих истин.

А святой Макарий Великий указывает на двенадцать ступеней, которые нужно пройти человеку, чтобы достигнуть совершенства в богопознании. Но если бы человек пребывал наверху совершенства постоянно, то не желал бы слышать ни о чем, ни видеть что-либо, ни заниматься попечением о братии, а только стал бы сидеть в одном углу в восхищении и уповании невещественных та-

ин. Поэтому совершенная мера благодати не дается ему постоянно, чтобы он мог служить ближним и заниматься попечением о братии и проповеди слова.

«Иногда же, – продолжает святой Макарий, – совершенные в благодати, в упоении Божественными тайнами духовными, подобно бестелесным Ангелам, чувствуют в себе легкость и окрыленность от непередаваемой радости, иногда, воспламеняемые духовной любовью к человечеству, плачут о роде человеческом, иногда не отличают они доброго человека от злого, желая каждого вместить в свое сердце, иногда унижают себя до того, что почитают себя хуже и меньше всех. Бывает, что душа в великом безмолвии, тишине и мире, когда соединится с Духом, сама становится духом. Тогда делается она вся светом, вся оком, вся радостью, вся упокоением, вся радованием, вся любовью, вся милосердием, вся благостью и добротою».

Такую Божественную благодать получает человек, по рассуждению прп. Симеона Нового Богослова, только за веру, за добрые намерения при хранении чистой совести во смирении, как и сам он, будучи еще юношей, испытал. Говоря о себе, он пишет, что тогда он ни долгих постов не держал, ни власяницы не носил, не удручал себя спанием на голой земле и из мира не выходил, но познал свою греховность, смирился и с верою и любовью молился к Сладчайшему Иисусу Христу и Его Пречистой Матери. Однажды, в молитве, он подвиг на милость Матерь Господа, Ее ходатайством умолил Бога и привлек к себе благодать Святого Духа, которая с такой силой осенила его, что он сподобился увидеть мысленный свет Солнца Правды, Сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа. Ему казалось, что он сам стал светом. Видел юноша только один свет, остановились у него всякие попечения, забыл он мир и исполнился слез и радости неизреченной. И он удостоился видеть умом своим Невидимого явно, без облика и очертания, во свете, в молчании.

Этот свет Божественной любви даровал блаженную радость и неопиcуемый мир в душе, которая ощущала, что Невидимый говорит и слушает.

Так вера соделывает человека участником Божественной любви и жизни вечной во Троицком свете Единого Божества.

Богopodobие

Человек есть образ Божий по мысленному естеству ума. Данное от Бога нам мысленное единство, по рассуждению прп. Никиты Стифата, как неопиcуемое, нетелесно есть, невидимо, неосязуемо, необъемлемо, и есть образ бессмертной и присносущной Его славы.

Этот образ помрачен в грехопадении, и, чтобы воссоздать первоизданного Адама и избавиться о пороков – неразумия, малодушия, невоздержания, неправды, – нужно обречься *во образ небесного* человека (1 Кор. 15, 49), главны-

ми добродетелями которого являются, по слову Максима Исповедника, благо-разумие, мужество, целомудрие, справедливость.

Святой Марк Подвижник говорит, что человеку определена Божественная эпитимия, выражающаяся в смерти, труде, алчбе, жажде, скорби, но Владыка, уподобившись нам во всем, кроме греха, то есть страстей бесчестия, стал тем, чем мы есть, чтобы нам войти в Его славу.

Человек уподобляется Спасителю, если живет в добродетели и правде. Сохранить неизменным богоподобие, приобретаемое чистой и истинной любовью к Богу, возможно только при постоянном обращении ума к Богу, при добродетели, воздержании, сердечном чтении и писании и непрестанной чистой и непарительной молитве. Кто живет по правде Божией, тот познает Божественную любовь и блаженное бесстрастие.

Бесстрастие

Святой Иоанн Лествичник говорит, что бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела, или совершенное, после Ангелов, познание Бога и чистота, вводящая в нетление тленных.

Отцы брачное одеяние именуют бесстрастием разумной души, которая есть цвет деятельной жизни, от исполнения заповедей.

Святой Феодор Едесский удаление от греха называет только воздержанием, бесстрастная же душа не допускает даже тайного согласия на грех и совершенно не допускает исхождения из сердца помышлений страстных, то есть хранит чистоту сердца.

А святой Максим Исповедник говорит, что «совершенный в любви и достигший верха бесстрастия не знает разности между своим и чужим, или своей и чужой, или между верным и неверным, или между рабом и свободным, или между мужеским полом и женским», но на всех и на все смотрит с любовью и чистотой.

Прежде стяжания чистоты и бесстрастия, по рассуждению святого Григория Синаита, человек не может стать вполне разумным, каким он создан первоначально Творцом.

Восходящий к чистоте и бесстрастию постом и бдением очищает свое тело, милостью и истиной – душу, а созерцанием и собеседованием с Богом – владычественный ум.

Илия Екдик в своем духовном рассуждении об этом говорит так: «Не после бегства из Египта, то есть не после пресечения греха делом, и не после прехождения моря, то есть не после отсечения сочувствия и склонности ко греху, но после пребывания в пустыне, то есть после претерпения всяких бед, лишений, скорбей, вождь Израиля сподобляется узреть землю обетованную, то есть бесстрастие, обладающее сильным созерцанием умным».

«Многие, – говорит прп. Иоанн Лествичник, – скоро получили прощение грехов, но никто скоро не приобрел бесстрастия; ибо для приобретения его нужно долгое время, многий труд любви и помощь Божия».

Кто же входит в состояние бесстрастия, тот отстает от страстных влечений и дьявольского рабства, растлевающего здравое разумение и, по слову прп. Иоанна Карпафского, слышит уже «святой язык Ангелов, преобразующих ум из телесного в бестелесный».

Добродетель и плоды бесстрастия определяются днем посредством помыслов и правильным пониманием сущего, а ночью – покоем от сонных мечтаний и сновидений.

Бесстрастная душа, имеющая как венец похвалы мир и святыню со всеми, *зрит Господа* (Евр. 12, 14) и не возмущается при воспоминании и видении страстного, ибо вошла она в духовный возраст сыноположения Христова и любви.

Любовь, бесстрастие и сыноположение, по слову иноков Каллиста и Игнатия, одними именами различаются и, как свет, огонь и пламя, в одном действии сходятся.

В такой душе вселяется Бог и жизнь ее уподобляется Иисусу Христу.

Жизнь во Христе

Св. Иоанн Богослов, начиная Евангелие Иисуса Христа и говоря о творении Им мира, возвещал: *В Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4). Нам же сама жизнь – это Бог во плоти явился в мир, и Его чудный невещественный Божественный свет просвещает всякого человека, даруя ему при рождении в Божественных ложеснах, в купели крещения, брачное одеяние и для небесной жизни души в пищу естество Божие, и воду живую, и вино, веселящее сердце человека, и елей радости и многообразные блага Всесвятого Духа. Все блага сокровенной жизни во Христе апостолы и богомудрые отцы приняли от Бога, вложили в Церковь и, как небесное сокровище веры евангельской, нам «передали это доброе семя, этот священный квас, этот начаток святой, этот залог некрадомый, эту благодать и силу свыше, этот бисер многоценный, это Божественное отеческое наследие, это доселе сокрытое сокровище и текущую воду, этот огонь Божественный, эту честную соль, этот дар, это запечатление, этот свет».

И это небесное сокровище святой Церкви – Христос Бог – есть освящение здесь, на земле и в Царствии Небесном, где подобно Богом созданной скинии будет две завесы, из которых в одну войдут, по слову прп. Григория Синаита, все освященные благодатью, а во вторую Бог введет только совершенных. Там по мере ведения добродетели и обожения уготованы многие обители, как и сказал Спаситель.

Бог всех зовет к совершенству, которое есть глубина смирения, любовь и богоподобие. Все люди носят образ Божий, но войти в совершенство и быть по подобию Божию есть достояние тех, которые с верою и любовью, трудом и смирением стяжали Христа, соединив свою свободную волю с волей Божией.

Этим христиане входят в меру обожения, ибо Христос Бог своим воскресением совоскресил ныне человеческие естество и даровал жизнь вечную, о которой Иоанн Богослов, заканчивая Евангелие, пишет: *Сия же написана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его* (Ин. 20, 31).

Иисус Христос, Сын Божий – дверь, путь, истина, свет жизни через таинства Свои и Плоть и Кровь вводит верных в жизнь Духа, «ибо Плоть Господня есть Дух животворящий, потому что от Животворящего Духа зачалось; рожденное от Духа дух есть».

В таинстве причащения верный бывает Телом Христовым. Тело и Кровь Христовы укрепляют душу и тело человека, приобщая его к нетленной жизни. Жизнь во Христе и спасение возможны только тем, которые с верою и любовью приобщаются от Христова Божества.

Сам Спаситель говорит: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56).

Во времена св. Василия Великого сам он и с ним пребывающие приобщались четыре раза в неделю, а в братстве прп. Аполлоса – каждый день.

В будущей жизни со Христом верные будут приобщаться Божества от одного мысленного созерцания Его.

Вопросы для самоподготовки:

1. Почему для достижения спасения всем христианам необходима благодатная молитва?
2. Как молитва раскрывает саму сущность христианской жизни?
3. Объясните святоотеческое изречение: «Святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа есть основание и кровля для хранения ума»?
4. Какие существуют условия молитвы?
5. В чем сущность трезвения?
6. Преподобный Симеон Новый Богослов, хорошо знающий духовную брань, подробно в своих писаниях разбирает три образа внимания и прелести. Кратко охарактеризуйте их.
7. Почему отцы поучают не допускать даже желаний видеть во время молитвы какой-либо лик или образ, или Ангела, или Самого Христа Спасителя?
8. Когда появляются плоды молитвы и духовное чувство?
9. В чем заключается Богоподобие? Как связать Жизнь во Христе?